
КАДРОВОЕ КОМПЛЕКТОВАНИЕ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ НА МУРМАНЕ В 1917–1920 ГГ.

А.А. Иванов

Кафедра социально-культурного сервиса и туризма
Мурманский институт экономики
Санкт-Петербургской академии управления и экономики
ул. Халатина, 7, Мурманск, Россия, 183038

Статья посвящена изучению истории становления, развития и функционирования военной контрразведки на территории Мурманского края в течение 1917–1920 гг. На конкретно-историческом материале показаны основные принципы кадрового комплектования местных контршпионских органов и финансовое положение их сотрудников.

Ключевые слова: контрразведка, Гражданская война, Кольский Север, кадровая политика.

Вопрос кадрового комплектования отечественных органов государственной безопасности всегда был одним из центральных. По словам С.С. Турло, «контрразведка не наука, и по учебникам контрразведчиков не воспитывают. Это искусство, требующее от исполнителей его своеобразного таланта, который можно развить изучением теории и практики, но не создать, если он не дан человеку от природы»(1).

Исходя из этого к сотрудникам, призванным вести контршпионскую работу, должны предъявляться повышенные профессиональные требования. Между тем в 1917–1920 гг. проблема поиска кадров в области борьбы со шпионажем стояла весьма остро во многом из-за того, что в преддверии Гражданской войны опытные сотрудники контрразведки были фактически брошены на произвол судьбы. В немалой степени это относилось и к Европейскому Северу России. Отечественные спецслужбы в Заполярье были представлены лишь Мурманским особым морским контрразведывательным пунктом, основанным в январе 1917 г. и сохранившимся вплоть до Октябрьской революции благодаря стечению обстоятельств и поддержке главы Кольского оборонительного района контр-адмирала К.Ф. Кетлинского.

После прихода к власти большевиков уровень финансирования органов госбезопасности был значительно снижен, хотя в условиях распада единой системы отечественных правоохранительных учреждений в течение всего 1917 г. контрразведка оставалась одним из немногих уцелевших органов соответствующей направленности, и спектр ее функций постоянно расширялся. Начальник Мурманского пункта признавался, что «чины контрразведки

помимо своих обязанностей несут работу еще и при Следственной Комиссии Мурманского Совета рабочих и солдатских депутатов, борясь с растущей преступностью и обнаруживая воров и убийц» (2). Тем не менее заработок его подчиненных составлял всего 325 руб. в месяц на человека, что было сопоставимо с зарплатой механиков кораблей, базировавшихся в Кольском заливе.

При этом основу кадров Мурманского пункта составляли сотрудники с многолетним опытом, материальное положение которых далеко не соответствовало их квалификации. Так, самый неопытный агент контрразведки в Мурманске к октябрю 1917 г. находился на военной службе более 7 лет, а средний срок службы борцов со шпионажем на Крайнем Севере равнялся почти 13 годам (3). Многие из них попали на службу в Мурманск из Беломорского и Петроградского контрразведывательных отделений, и долгое нахождение за Полярным кругом не прошло для этих лиц бесследно, заставляя покидать службу по болезни. В частности, так поступили наиболее опытные агенты: Н.Н. Николаев (срок военной службы – 19 лет) и П.К. Мартынов (срок военной службы – 14 лет) (4).

Кроме того, финансовые трудности заставляли контрразведчиков переходить на службу по непрофильным специальностям – агент А.А. Ильяшевич в январе 1918 г. был принят на работу электромонтером при Управлении Кольской базы, по собственному желанию оставил службу и переводчик Л. Парман (5). На место этих квалифицированных сотрудников, как правило, принимались бывшие солдаты и офицеры воинских частей, базировавшихся на Кольском полуострове.

Дальнейшая ротация кадров была спровоцирована началом иностранной интервенции в марте 1918 г. и преобразованием Мурманского пункта в Военно-регистрационное бюро (ВРБ), комплектование которого шло по новым принципам. Во-первых, вербовка штатных агентов из числа моряков стала возможной лишь с дозволения Центрального комитета Мурманской флотилии (6) проявлявшего интерес к контролю контрразведывательной деятельности еще с 1917 г. Во-вторых, начальник ВРБ получил возможность напрямую связываться и лично вести переговоры с потенциальными подчиненными, минуя вышестоящее начальство в Архангельске. К примеру, телеграмму с предложением перебраться для работы на Мурман весной 1918 г. получил столичный контрразведчик В.В. Херсонский (7). В-третьих, Военно-регистрационное бюро пополнялось и агентами иностранных спецслужб – в него вошли английский лейтенант Кольдер и французский лейтенант Шарпантье.

При этом контрразведчики были переведены под контроль Отдела Обороны Мурманского Совета депутатов, а начальник ВРБ с весны 1918 г. назначался «согласно выборам Совдепа». В результате главой бюро был избран не коллежский асессор В.А. Эллен, исполнявший эту должность до преобразования, а штабс-капитан А. Петров, ранее уже возглавлявший Мурманский пункт и отстраненный от должности еще до революции из-за

возбуждения против него уголовного дела «об укрывательстве некоторых лиц от воинской повинности» (8). Причиной избрания Петрова на данную должность, по-видимому, было его членство в Совете депутатов.

После свержения Советской власти в Архангельске в августе 1918 г. и образования антибольшевистской Северной области белогвардейские лидеры далеко не сразу обратили внимание на доставшиеся им в наследство от РСФСР контршпионские ведомства. Основную работу по борьбе с большевистской разведкой изначально выполняли иностранные спецслужбы и некая полулегальная организация, возглавляемая французским лейтенантом Эрнестом Бо – бывшим московским коммерсантом (9). Интервенты производили обыски и аресты самовольно, не признавая русских законов и этим подрывая доверие населения к антибольшевистскому правительству. В результате русские контрразведчики были вынуждены констатировать, что «незнакомое с местными условиями и чуждое нам Intelligence Bureau (союзная контрразведка)... руководимая чуждыми нам мотивами, совершенно не в состоянии справиться со своей сложной задачей: общество было взволновано и озлоблено массовыми насильственными арестами граждан и военнослужащих» (10).

В качестве попытки выстроить оптимальную для русских и иностранцев систему военного управления было принято решение о разделении службы контрразведки на несколько секций: русскую, британскую, американскую, французскую и бельгийскую. Русская контрразведка получила наименование Военно-Регистрационное Отделение, во главе которого встал коллежский асессор М.К. Рындин, а зарубежные спецслужбы объединялись общим понятием Союзный военный контроль (СВК). Эта схема была распространена на всю территорию антибольшевистской Северной области, и Кольский полуостров не стал исключением. В связи с реформой Военно-регистрационное бюро реорганизовывалось в военно-контрольный пункт при штабе 2-го пехотного полка, также было сформировано и Мурманское отделение СВК. Примечательно, что из-за нехватки британских и американских агентов в зарубежные спецслужбы стали массово зачислять русских подданных, и уже к началу 1919 г. среди штатных сотрудников СВК в Мурманске не осталось ни одного иностранца (11). С другой стороны, в русском военно-контрольном пункте значительную долю сотрудников составляли именно иностранцы: немцы, поляки, эстонцы, финны и т.д. (12).

Союзный военный контроль был более привлекателен для русских контрразведчиков, поскольку значительно выше была зарплата его сотрудников. Так, в 1919 г. средний заработок работника СВК в Мурманске был на 13% выше, чем у русских коллег, составляя 552 руб. в месяц против 487 руб. (13). Как следствие, на службу к интервентам шли гораздо охотнее – в январе этого года в Мурманском отделении союзной контрразведки работали 22 сотрудника, а в местном военно-контрольном пункте – всего 10 чел. (14).

Разумеется, нельзя утверждать, что офицеры военного контроля бедствовали: оклад начальника контрразведывательного пункта равнялся 1000 руб. в

месяц, делопроизводителя – 600 руб., старшего агента – 500 руб., а младшего агента – 300 руб. Все они также получали и климатические надбавки в размере 15% (15). Однако если учесть, что месячный прожиточный минимум на территории Мурманска составлял 506 руб., становится ясно, что многие контрразведчики почти не имели средств к существованию, зарабатывая меньше, чем водопроводчики (16).

Помимо СВК конкуренцию контрразведке составляли и другие силовые ведомства, куда ввиду дефицита опытных офицеров нередко переводились ценные работники. К примеру, Н.М. Черногоров успел побывать не только главой Мурманского военно-контрольного пункта, но и сотрудником английского штаба и даже пограничной стражи (17). Принимая во внимание эти обстоятельства, нет ничего удивительного, что в течение 1918–1920 гг. в заполярном военно-контрольном пункте сменилось 7 начальников.

Еще одной причиной столь сильной текучести кадров была и общая для антибольшевистского движения тенденция, заключавшаяся в неприятии населением деятельности спецслужб, вследствие чего их пополнение личным составом было сильно затруднено. Офицерский корпус Северной армии был настроен к такой работе негативно, а местная интеллигенция была больше заинтересована в культуротворческой деятельности, а не ловле большевистских шпионов. В этой ситуации изначально крайне высокие требования к личному составу контрразведки были снижены настолько, что агентов стали зачислять на службу на основании не столько профессиональных, сколько личных качеств: «добросовестности, честности и исполнительности» (18). На вакантные должности часто приходили неподготовленные сотрудники, которых начальство увольняло по истечении нескольких недель или месяцев – например, агенты М. Штауферт и С. Печников были зачислены на службу 29 ноября 1918 г., а уволены уже 1 февраля 1919 г. (19). В этих условиях военно-контрольные органы были вынуждены принимать на службу даже советских перебежчиков (20).

При этом военно-политический характер контршпионской деятельности в условиях Гражданской войны предполагал привлечение к борьбе с вражеской агентурой как сотрудников военной контрразведки, так и агентов службы политического сыска. Тем не менее, белогвардейские спецслужбы не имели ни возможности, ни стремления использовать опыт работников политической полиции. Ситуация осложнялась и тем обстоятельством, что, в отличие от Советской России, в распоряжении антибольшевистских сил на Севере не было ни крупных военных учебных заведений, ни значительного количества преподавателей. Будущих агентов контрразведки готовили практически в полевых условиях на вечерних занятиях при Военно-Регистрационном Отделении (21). Этого было явно недостаточно для того, чтобы не только обучить сотрудников выполнению технических операций в сфере борьбы со шпионажем, но и воспитать в них осознание важности собственной деятельности для армии, государства и общества. Зачисленные агенты

нередко разглашали «полученные по службе сведения» в частных беседах и письмах (22), «пьянствовали, арестовывали крестьян, избивали, истязали, издевались над арестованными социалистами» (23). Рындин пытался бороться с этими фактами, отстраняя от должности запятнавших себя контрразведчиков, среди которых был и начальник Мурманского пункта капитан Н.В. Дымский (24), но существенных изменений это не принесло. Именно факты участия спецслужб в противоправных действиях и безосновательных расстрелах позволили впоследствии говорить о проведении на Севере политики «белого» террора.

После окончания иностранной интервенции осенью 1919 г. и, соответственно, ликвидации Союзного военного контроля личный состав мурманского пункта был укреплен новыми сотрудниками: бывшим агентом СВК в Мурманске В. Данилевич (25), поручиком В.А. Крыковым, до этого возглавлявшим Отдел дознаний в Архангельской контрразведке, и др. Тем не менее, эти перестановки уже не могли изменить ситуацию в целом – «белые» проигрывали Гражданскую войну, и контрразведка не могла в одиночку этому помешать. В феврале 1920 г. в Мурманске произошло восстание, возглавляемое большевиком И. Александровым, в ходе которого на Севере была восстановлена Советская власть.

Таким образом, из-за изначальной ограниченности кадрового потенциала контрразведки на Кольском полуострове, проистекавшей из слабой заселенности северных губерний и пассивности большинства населения к антибольшевистской борьбе, руководству местных органов госбезопасности не удалось выстроить грамотную кадровую политику, отвечающую задаче ведения Гражданской войны. Для Белого Мурмана были характерны нездоровая конкуренция между военно-контрольными ведомствами за опытных сотрудников, низкий уровень финансирования, кадровый «голод», падение квалификации персонала, нарушалась преемственность личного состава соответствующих учреждений. В конечном счете, во многом из-за неспособности принятых на службу агентов эффективно предотвращать большевистские заговоры в тылу и на фронте «белая» власть не смогла обеспечить свое самосохранение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Турло С.С., Залдат И.П. Шпионаж // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. – М., 2007. – С. 579.
- (2) Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 40 311. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 36.
- (3) Там же. – Д. 15. – Л. 5 об.
- (4) Там же. – Л. 26, 49.
- (5) Там же. – Л. 3, 37.
- (6) Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). – Ф. Р-130. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 46.; РГВА. – Ф. 40311. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 15, 20.
- (7) РГВА. – Ф. 40 311. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 29.

- (8) РГА ВМФ. – Ф. 418. – Оп. 2. – Д. 141. – Л. 41.
- (9) Там же. – Ф. Р-431. – Оп. 1. – Д. 577. – Л. 26–26 об.
- (10) Там же. – Л. 4 об.
- (11) РГВА. – Ф. 40 311. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 154.; Д. 17. – Л. 75 об.
- (12) Там же. – Д. 15. – Л. 10, 69, 76, 77.
- (13) Посчитано по: РГВА. – Ф. 40 311. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 82 об., 217.
- (14) Там же. – Л. 82 об., 217 об.
- (15) Там же. – Д. 15. – Л. 68, 158.
- (16) Государственный архив Мурманской области (ГАМО). – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 23 об.
- (17) Там же. – Д. 9. – Л. 268.
- (18) РГВА. – Ф. 40 311. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 76.
- (19) Там же. – Д. 7. – Л. 249, 266.
- (20) Национальный архив Республики Карелия. – Ф. Р-30. – Оп. 3. – Д. 744. – Л. 50.
- (21) РГВА. – Ф. 39 450. – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 4.
- (22) Там же. – Л. 160, 247.
- (23) Белый Север: Мемуары и док-ты: В 2 т. – Архангельск, 1998. – Т. 1. – С. 138.
- (24) РГА ВМФ. – Ф. Р-431. – Оп. 1. – Д. 577. – Л. 27 об.
- (25) ГАМО. – Ф. П-102. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 52.

STAFFING OF MILITARY COUNTERINTELLIGENCE IN MURMAN REGION IN 1917–1920

A.A. Ivanov

Chair of Social-Cultural Service and Tourism
Murmansk Economics Institute
Branch of Saint-Petersburg Academy of Management and Economics
Khalatin Str., 7, Murmansk, Russia, 183038

The article is devoted to the history of formation, development and functioning of military counterintelligence in the Murmansk region during 1917–1920. On the basis of concrete historical material the author shows the main principles of local counterespionage bodies staffing and their employees' financial position.

Key words: counterintelligence, Civil War, Kola North, staffing policy.